

спутник по «Монголии и Каму» — приютил транспорт экспедиции и приготовил для всех ее участников помещение... Встреча чиновников алаша-цин-вана и письма Ц. Г. Бадмажапова словно приблизили нас к давножданному Дын-юань-ину. Из дальнейшего доклада чиновников выяснилось, что они напрасно прождали нас на южной дороге около сорока суток, но теперь очень рады состоявшейся встрече и просят меня лично написать алаша-цин-вану о причинах нашего запоздалого прихода в Дын-юань-ин. Получив от меня хадак и визитную карточку, для вручения монгольскому князю и письма — для Ц. Г. Бадмажапова один из чиновников укатил в алаша-ямунь, а другой остался при экспедиции...

К вечеру, одиннадцатого апреля, вновь стало свежо, а на восходе солнца — холодно как зимою; вода, оставленная в колоде, промерзла за ночь на целый вершок...

Теперь наш караван значительно оживился и отчасти увеличился прибывшими монголами. Из прежних погонщиков коекого пришлось отпустить и заменить новыми. Сами мы, чувствуя приближение культурного центра, до которого, однако, все еще оставалось дней около десяти, казалось также приободрились... По правде говоря, участники экспедиции несколько приутомились. Унылая мертвенность окружающего угнетала душу; почти всегда чувствовался недостаток в питьевой воде, а сухая, консервированная местным способом, баранина скоро приедалась и становилась неприятной. Всем одинаково хотелось отдыха и свежей здоровой пищи. Дни и переходы тянулись как-то особенно медленно, и мы не могли дождаться конца самой трудной части путешествия.

Кругом все было также безотраднo и мертво ¹⁾. Пески и галечник, попрежнему, составляли преобладающий покров земли, по которой лишь изредка ютились пустынные растения; еще реже разнообразили жалкую природу представители животной жизни.

Безжизненные, лишенные водных источников, горы Аргалинтэ постепенно приближались. Они имели вид громадной рыбы, обращенной головой к западу, и представляли наивысший хребет на всем пути от Эцзин-гола до Алашаньского хребета. Наша

¹⁾ В версте к югу от Табун-алдан мы отметили обрыв красных ханхайских песчаников, достигавших двадцати с лишком футов высоты.